

ИЗ ИСТОРИИ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ СКАЗОК М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Статья Ю. П. Пищулина

Сказки Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» и «Пропаала совесть» вошли в революционно-пропагандистский «репертуар» народников еще накануне «хождения в народ». Они получили широкое распространение в виде вырезок из «Отечественных записок» и многочисленных списков. Тогда же в кружке петербургских «чайковцев» возник план отдельного издания этих сказок. Это издание должно было быть легальным, но предназначенным для пропагандистских целей, вроде изданного «чайковцами» сборника рассказов Н. И. Наумова «Сила солону ломит». Однако план этот не был осуществлен¹.

Первые нелегальные издания щедринских сказок появляются уже в 1880-е годы. В это время значительно возрастает общественно-политическое значение творчества Щедрина и резко увеличивается количество революционно-эмигрантских и нелегальных изданий произведений писателя. Начиная с запрещенного цензурой «третьего письма» из «Писем к тетеньке», печатание произведений Щедрина (в типографии, литографии или на гектографе) становится неотъемлемым элементом революционно-просветительной деятельности всех значительных организаций передовой молодежи — и революционно-народнических («Народная воля») и переходных от народничества к марксизму (типа «Общественного союза» в Москве) кружков революционно настроенной интеллигенции, группирующихся вокруг какого-либо печатного органа русской эмиграции («Общее дело», «Вестник Народной воли» и т. д.).

В 1880-е годы русскими подпольными кружками и революционной эмиграцией многократно издавались «Гашкентцы, обратившиеся внутрь», «Письма к тетеньке» и другие произведения сатирика. Но особая роль в литературно-общественном движении 1880-х годов выпала на долю щедринских сказок. В эту пору революционеры-народники буквально «открыли» для себя сказки Щедрина как мощное идеологически активное оружие.

Уже сказки «Премудрый пескарь», «Самоотверженный заяц» и «Бедный волк», которые писатель по цензурным условиям вынужден был изъять из февральской книги «Отечественных записок» за 1883 г., не остались «тайной» для революционно-народнической среды. «В февральской книжке «Отечественных записок», — говорится в письме одного из московских революционеров (письмо, датированное 2 марта, было перехвачено департаментом полиции), — статья Щедрина вырезана цензурой, но тем не менее она попала в надлежащие руки и будет отлитографирована»². Первые нелегальные издания «февральских сказок» появляются уже весной 1883 г.³ А в сентябре они были напечатаны в зарубежном «Общем деле» и затем вышли отдельным изданием у М. К. Эллидина.

В январе 1884 г., стремясь помешать распространению подпольных изданий, цензура разрешила опубликовать «февральские сказки» в «Отечественных записках». При этом цель до некоторой степени была достигнута. После 1884 г. нелегальные издания и списки сказок «Премудрый пискарь», «Самоотверженный заяц» и «Бедный волк» появляются редко.

Однако первые гектографированные книжечки-тетради сделали свое дело: «запрещенный» Щедрин вновь — впервые после «Писем к тетеньке» — встретился с самой широкой аудиторией и очень заинтересовал ее. Щедринские сказки — лаконичные и увлекательные, мудрые и понятные, бесконечно богатые по мысли и безукоризненно совершенные по форме — были, в частности, в числе первых произведений большой рус-

ской литературы, которые, как об этом свидетельствуют мемуары рабочих-революционеров ⁴, проникли в рабочую среду и стали с начала 1880-х годов постоянным спутником освободительной борьбы российского пролетариата.

Издания «Февральских сказок» определили во многом тип, характер последующих подпольных изданий Щедрина. Навсегда утвердилось, например, название «Сказки для детей изрядного возраста». В дальнейшем оно менялось лишь в деталях, сохраняя главные элементы, закреплённые революционно-пропагандистской традицией. При этом следует отметить, что сам писатель не имел отношения к этому названию. Революционеры-народники позаимствовали его из сатирической литературы 1860-х годов, где выражение «изрядный возраст» подчеркивало серьёзность содержания, предназначенного для взрослого читателя.

В научной литературе неоднократно отмечалась выдающаяся роль в издании марксистской и другой революционно-пропагандистской литературы, которую сыграло в 1880-е годы «Общество переводчиков и издателей» в Москве. Оно развернуло свою деятельность летом 1883 г., сначала самостоятельно, а потом — в составе так называемого «Общественного союза» ⁵. Идеинная платформа обеих организаций была весьма широкой и включала в себя все оттенки оппозиционных воззрений, которые были присущи передовой общественности в годы идейного и организационного кризиса народничества. Поэтому среди изданий «Общества» и затем «Общественного союза» были и «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, и «Гражданская война во Франции» К. Маркса, и «Исторические письма» П. Л. Лаврова, и «Сущность социализма» А. Шеффле, и многие другие произведения. В поисках «правильной революционной теории» «переводчики» весьма часто обращались к произведениям русских писателей — тех, которые, по их мнению, наиболее полно выражали потребности общественного развития России и тем самым способствовали воспитанию революционного самосознания широких слоёв русского общества. Особое и совершенно исключительное положение в их изданиях заняли сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Сам факт издания сказок «Обществом переводчиков и издателей» и «Общественным союзом» неоднократно отмечался в научной литературе ⁶. Но при этом всегда оставалось не вполне выясненным, какие сказки Щедрина издавались, сколько было изданий, кто был их организатором, при каких обстоятельствах они печатались, каков был их тираж и т. п. Между тем все эти вопросы имеют немаловажное историко-литературное значение и вполне разрешимы.

Осветить поставленные вопросы позволяют материалы обыска в литографии, принадлежавшей Н. А. Янковской, и на квартире бывшего студента Московского университета П. Соколова, а также показания рабочих литографии и многих участников «Общественного союза» ⁷.

Петр Соколов, один из руководителей «Общества переводчиков и издателей», организовал печатание пропагандистской литературы под видом «лекций для студентов» и «листочков с рисунками» в литографии Янковской. Он же приносил в литографию оригиналы и получал здесь готовые издания ⁸.

В показаниях рабочих литографии, при всей их разноречивости, сообщаются важные факты. В частности, они помогают установить, какие сказки Щедрина издавались «Общественным союзом». Н. В. Киселев, арендовавший литографию Янковской ⁹, избрал на дознании тактику «неоказательства» и показал, что в литографии печатались «какие-то сказки». Рабочий литографии Николай Якунин признал, что на его глазах была отпечатана «сказка Щедрина». Максим Виноградов сообщил, что в литографии печатались «сказка Щедрина «Вяленая вобла» и «Сказка для детей изрядного возраста» Салтыкова». Иван Жуков показал то же самое. Рабочему Михаилу Суворцеву запомнилось лишь, что печатались «сказки Щедрина» и что их было заказано так много, что в печатании приходилось участвовать всем рабочим. Афанасий Андреев вспомнил, что в литографии печатались и «сказки для детей», и «вобла какая-то», и «Сказки для детей изрядного возраста» Салтыкова. Из показаний неграмотного рабочего Алексея Брюнова, который различал книги «по внешним признакам», можно заключить, что в литографии Киселева были напечатаны «Вяленая вобла» и «Новые сказки для детей изрядного возраста» Щедрина ¹⁰.

простолюдина, а под окнами «Помоев» кого-то избивают нагайками...¹³ Неизвестный художник сумел воспроизвести символику самодержавно-помещичьей России, хорошо знакомую демократическому читателю по произведениям Щедрина. Сразу же за обложкой следует воззвание «К русскому обществу».

Так устанавливается одно из изданий щедринских сказок, предпринятое московскими «переводчиками»: «Сказки для детей изрядного возраста М. Е. Салтыкова». Выпуск II. Москва 1884.

В состав книги входят две сказки: «Вяленая вобла» и «Обманщик-газетчик и левоверный читатель». Это издание литографировалось в апреле 1884 г. А 21 апреля, на следующий день после опубликования в «Правительственном вестнике» сообщения о закрытии «Отечественных записок», в литографии было отпечатано воззвание, которое было приложено к готовой части тиража.

Среди нелегальных изданий, собранных в архиве Департамента полиции, не удалось разыскать книгу, которую можно было бы с полной уверенностью считать первым выпуском сказок Щедрина, изданных «Обществом переводчиков и издателей». Тем не менее по ряду косвенных признаков содержание этого выпуска устанавливается с большой степенью точности.

На обложке первой книги теоретического журнала «Общестуденческого союза» помещен перечень запрещенных сочинений, появившихся нелегально в Москве в декабре 1883 г. В этом перечне значатся «Сказки для детей изрядного возраста. (Добродетели и пороки. Топтыгины) Щедрина»¹⁴.

Издания с таким названием обнаружить не удалось. Однако в архиве Департамента полиции сохранилась литографированная тетрадь, озаглавленная: «Новые сказки для детей изрядного возраста. Щедрин. Москва. 1884 г.» (номер выпуска не обозначен). В ней содержатся две сказки, изъятые по требованию цензуры из февральской книги «Отечественных записок» за 1884 г., — «Добродетели и пороки» и «Медведь на воеводстве» (т. е. все три части сказки о Топтыгиных; ср. в списке «Союза» — «Топтыгины»). Нетрудно заметить также, что название книжки содержит все те элементы, которые упоминались в показаниях рабочих литографии Киселева. По размеру же страницы, фактуре бумаги, почерку переписчика книга полностью соответствует «выпуску II»¹⁵.

Не следует удивляться расхождению в датах: в журнале «Союз» указано, что предполагаемый «выпуск I» появился в декабре 1883 г., а на обложке книги значится «1884 г.» Это — нередкое явление в нелегальной революционно-демократической литературе. Например, журнал «Союз» начали печатать в декабре, но печатание его продолжалось и в апреле 1884 г. Такой же сложной и длительной могла быть издательская история «выпуска I»: объявленный в декабре 1883 г., он мог появиться значительно позже.

Литографирование, организованное П. Соколовым, позволило выпускать нелегальные издания тиражами, совершенно недоступными для гектографа. Один только «выпуск II» сказок Щедрина был отлитографирован в количестве около тысячи экземпляров (из них 500 — с воззванием к «русскому обществу»). Всего же, по сведениям Е. Паприц — заграничного представителя «Общестуденческого союза», — при обыске в литографии Киселева было найдено 3 тысячи экземпляров сказок Щедрина¹⁶.

Петру Соколову и его товарищам не только удалось наладить литографию. Они сумели организовать широкое распространение изданий «Общестуденческого союза». Ими снабжались прежде всего филиалы «Союза» в Московском университете, Петровской сельскохозяйственной академии, Московском высшем техническом училище, Высших женских курсах, а также связанные с «Союзом» студенческие и рабочие кружки. Причем каждый из таких кружков, получив литографированные издания, стремился всемерно увеличить их количество путем гектографирования или изготовления списков.

Своеобразными «литературными узлами» был связан с «Общестуденческим союзом» рабочий кружок Федора Баулина. Один из первых марксистских кружков в России, он в программном отношении ориентировался на группу «Освобождение труда». Но литературные связи кружка были широки и разнообразны.

Федор Баулин использовал в занятиях с рабочими все произведения, которые, по его мнению, могли помочь в борьбе с главными врагами трудового люда—темнотой и невежеством. Поэтому в кружке читали и «Рабочую газету» (издание «Народной воли»), и «Зерно» (издание «Черного передела»), и «Мертвые души» Гоголя.

Поиски литературы, «доступной пониманию рабочих», привели Баулина весной 1884 г. в «Общестуденческий союз». Здесь среди других изданий Баулин получил и щедринские сказки. Это были 1-й и 2-й выпуски «Сказок для детей изрядного возраста».

Баулин не ограничился распространением полученных экземпляров. Товарищи, приходившие к нему, часто заставляли его за перепиской щедринских сказок «с печатных книжек»¹⁷. По-видимому, списки, сделанные в кружке Баулина, давали возможность ознакомиться с запрещенной литературой довольно широкому кругу рабочих.

Издания «Общестуденческого союза» вообще распространялись и перепечатывались с поразительной (неслыханной в русском освободительном движении тех лет) оперативностью.

В архиве Департамента полиции сохранился экземпляр гектографированного издания, озаглавленного «Новые сказки Щедрина». Оно полностью воспроизводит «выпуск I» щедринских сказок издания «Общестуденческого союза». На этом экземпляре указана точная дата окончания гектографирования и место издания: «1884 года 29 апреля. Москва. Летучая гектография «Нар(одной) п(артии)»¹⁸. Значит какой-то кружок, укрывшийся под названием «Народная партия», приступил к гектографированию «выпуска I» в те дни, когда текст его еще не был стерт с литографских камней у Киселева!

Определенную роль в пропаганде щедринских сказок сыграла нелегальная библиография. Так, издававшийся в Петербурге гектографированный журнал «Свободное слово» (1884, № 4-5, с. 35-36), открывая новый «постоянный отдел» библиографии, рекомендовал своим читателям «выпуск II» сказок Щедрина в издании «Общестуденческого союза»: «Отмечая эти новые сказки нашего маститого сатирика, мы предлагаем познакомиться с ними каждому, тем более, что издатели их поместили там довольно горячо написанное обращение к русскому обществу по поводу запрещения «Отечественных записок»¹⁹.

«Все изданные «Союзом» брошюры,— говорится в «Обзоре важнейших дознаний» Департамента полиции,— были выдаваемы на руки разным членам его для распространения и продажи, как это доказывается многочисленными записями о количестве денег, найденными у них по обыску»²⁰.

Вопрос о «количестве денег» был очень существенным для «Общестуденческого союза». Деньги, вырученные от продажи собственных изданий, были главным источником поступлений в кассу организации. Поэтому цены на эти издания по сравнению с ценами на пропагандистские книжки 1870-х годов были довольно высокими. Издаваемый организацией журнал «Социалистическое знание» стоил 1 р. 50 к., «Подпольная Россия» С. Степняка в издании «Общестуденческого союза» — 75 к., а издание щедринских сказок, перепечатанное на гектографе с «выпуска I», продавалось по 50 к.

Сказки Щедрина, как и многие другие произведения, объединенные в одном издании, часто разъединялись и бытовали отдельными частями. Поэтому возможности для распространения становились практически неисчерпаемыми, а круг читателей неизмеримо возрастал. В коллекции нелегальных изданий хранится, например, сказка «Добротели и пороки», отделенная от «выпуска I», изданного «Общестуденческим союзом»²¹. А 11 января 1886 г., после обыска в казенных студенческих номерах Петровской академии, под окнами были найдены: «первый лист сочинения Салтыкова «Вялая вобла», два экземпляра «Сказки для детей изрядного возраста» вместе с сочинением Ф. Энгельса «Социализм утопический, социализм научный», «Капиталом» К. Маркса, работой П. Л. Лаврова «Революционеры и естественный ход событий»²².

Еще до образования «Общестуденческого союза» деятельность «Общества переводчиков и издателей» вышла далеко за пределы московских революционных кружков. Связанные с «Обществом» студенты, разъезжаясь на каникулы в разные местности Российской империи, брали с собой пропагандистские издания. Устраивали «переводчики» и специальные поездки для распространения революционной литературы. Из-

вестно, что московские издания были обнаружены во всех крупных центрах России (Петербург, Киев, Харьков, Пермь, Одесса, Ростов, Саратов и т. п.), а также в самых отдаленных местностях²³.

По-видимому, позднее, в эпоху «Общестуденческого союза», издания стали распространяться еще более умело и целенаправленно, проникая даже к политическим заключенным. Об этом свидетельствует литографированный отчет примыкавшего к «Союзу» Московского общества помощи политическим ссыльным, отобранный при аресте у П. Соколова. «Общество» отправляло ссыльным и заключенным в Иркутскую губернию, в Западную и Восточную Сибирь газеты, журналы, деньги (в том числе полученные от продажи изданий «Союза»). Из отчета видно, что ссыльным направлялись и издания «Общестуденческого союза»²⁴. Очевидно, среди высылаемых нелегальных изданий были и щедринские сказки.

Издания сказок великого сатирика, осуществленные в Москве, служили также первоисточником и образцом и в тех случаях, когда революционерам удавалось, обычно на очень короткое время, «поставить», как говорили тогда, типографию. Об этом говорит история весьма кратковременного существования в Харькове типографии «супругов Воскресенских» (Анастасия Осинская и Феофан Крылов), организованной В. Н. Фигнер в декабре 1882 г.²⁵ Среди изданий, найденных в этой типографии во время обыска 22 июня 1883 г., наряду с биографиями А. И. Желябова и С. Л. Перовской, брошюрой «Чего ожидать от коронации» и другими революционными изданиями, была и гектографированная тетрадь «Сказки для детей изрядного возраста»²⁶. Весьма вероятно, что это было одно из изданий, осуществленных «Обществом переводчиков и издателей». По адресу, найденному в типографии, было отобрано в Рязани у бывшего председателя земской управы Алянчикова это издание²⁷.

Вероятно, предполагал издать сказки Щедрина и руководитель «молодых народовольцев» П. Ф. Якубович²⁸. При обыске у студента Владимира Перелыева, главного работника организованной Якубовичем в Дерпте летом 1884 г. типографии, жандармы обнаружили сказку «Добродетели и пороки»²⁹.

В условиях кризиса народовольчества и свирепой правительственной реакции революционерам не удалось наладить на продолжительное время печатание революционно-пропагандистской литературы в типографиях или литографиях. Приходится согласиться с характеристикой подпольной издательской деятельности этого времени, которая дается в официальной «Хронике социалистического движения в России»: «...как средство пропаганды появились гектографы, и значительное количество рукописей (брошюры, программы, объявления) часто появлялось в отгектографированном виде; но количество выпускаемых экземпляров было очень незначительно. Удовлетворялись лучшим из худшего, потому что гектограф требовал мало места и дешево стоил»³⁰. В гектографированных изданиях важное место занимали щедринские сказки.

Немало сделали для их издания и распространения среди учащихся и в рабочей среде члены Центрального студенческого кружка, действовавшего в Одессе в 1884—1885 гг.³¹ Этот кружок объединял несколько «групп саморазвития» в городах Одесского учебного округа (Немиров, Аккерман и др.). Возглавляли его Григорий и Ипполит Борзяковы и Леонид Верцинский. Ориентировался кружок на программу «Народной воли» и одно время поддерживал связь с центром через члена Исполнительного комитета «Народной воли» В. И. Сухомлина.

Деятельность Центрального кружка началась с пропаганды и распространения нелегальных изданий среди рабочих и учащейся молодежи. Позднее Григорию Борзякову и его товарищам удалось наладить гектографирование революционно-пропагандистской литературы. Кружок располагал несколькими гектографами. Были они в реальном училище, в Ришельевской гимназии, а также в других учебных заведениях Одессы³².

Особенно интенсивно шло гектографирование с осени 1884 г. Были выпущены «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Развитие научного социализма» Ф. Энгельса, «Письмо Белинского к Гоголю», «Сущность социализма» Шеффле, а также выдержавшие испытание временем пропагандистские издания 1870-х годов — сказки «Хитрая механика» и «Четыре брата». А уже весной 1884 г. Григорий

Борзяков отгектографировал сказки Щедрина — «Добродетели и пороки» и «Топтыгин» (очевидно, одну часть сказки «Медведь на воеводстве») ³³. В обращении у членов организации было и гектографированное издание «Писем к тетеньке» ³⁴.

Успех нелегальных изданий в обстановке спада революционного движения и правительственных преследований очень воодушевлял юных революционеров. «Изыскивались и проводились в жизнь мероприятия, — рассказывал позднее Григорий Борзяков, — поднимавшие энергию и сознательность в уже существующих кругах, а из них вливались в массу и бодрость и интерес к революционной работе. <...>. И размножение гектографами нелегальной литературы делало свое дело. Наши издания расходились в значительном количестве далеко за рамки учащейся молодежи» ³⁵. Среди изданий, неоднократно повторение которых вызывалось спросом, Борзяков называет и сказки Щедрина.

Члены Центрального студенческого кружка попытались установить непосредственные контакты с Салтыковым и редакцией «Отечественных записок». Это было связано с весьма заметным эпизодом общественной жизни 1880-х годов. Сотрудник одесских газет художник Зотов составил и напечатал от имени некоего Кунца объявление о продаже «гигиенических кушеток», предназначенных для сечения учащихся. Сделано это было, по сведениям Департамента полиции, «с очевидной целью поглумиться над состоявшимся будто бы по Министерству народного просвещения распоряжением о сечении учеников» ³⁶. Однако «шутка» Зотова была воспринята как нечто серьезное и достоверное. Ипполит Борзяков отправил экземпляр «объявления Кунца» Щедрину, в редакцию «Отечественных записок», так как, по словам его брата, это было «тогда единственное место выхода общественного негодования» ³⁷.

Совершенно серьезно отнесся к этому документу и писатель. «Объявление» было воспроизведено и прокомментировано им в одном из фельетонов «Между делом» ³⁸. При этом Щедрин посетовал на то, что он не знает «ни личности самого корреспондента, ни его фамилии» (сопроводительное письмо И. Борзякова было подписано словами «ваш собственный корреспондент»).

Обзоры важнейших дознаний, составляемые в Департаменте полиции, зафиксировали множество случаев, когда у лиц неблагонадежных в политическом отношении жандармы находили среди прочей революционной литературы и нелегальные издания щедринских сказок. Причем по ряду признаков можно было установить, что некоторые из них напечатаны в Петербурге.

Так, 14 апреля 1885 г. на станции Николаевской железной дороги в Петербурге полиция задержала тамбовского чиновника Аркадия Дагаева. При обыске у него отобрали революционные издания и среди них — «Новые сказки для детей изрядного возраста» Щедрина. Дагаев объяснил, что часть нелегальных изданий он получил у слушательницы С.-Петербургских высших курсов Анны Лукашевич ³⁹. Через несколько дней «два экземпляра сказки Щедрина» были обнаружены при обыске в квартире студента Петербургского университета Мартиана Шипкевича ⁴⁰. 28 декабря 1885 г. «Сказки Щедрина» оказались у студента Технологического института Петра Завадского, студента Петербургского университета Абрама Нагата, слушательницы Высших женских курсов Сарры Нагат — наряду с большим количеством «печатных литографированных и гектографированных запрещенных изданий» («Листок Народной воли», № 2; «Рабочий», № 2; «Так что же нам делать?» Л. Н. Толстого; биография С. Л. Перовской и т.п.) ⁴¹. Таким образом, можно полагать, что нелегальные издания печатались и в столице Российской империи, хотя, казалось бы, здесь «крамола» была целиком обезврежена и подавлена. Одну из гектографий, в которой печатались сказки Щедрина, — гектографию А. В. Пихтина и С. И. Чекулаева — называет в своих воспоминаниях И. И. Попов, активный участник революционного движения 1880-х годов в Петербурге ⁴². Однако проблема петербургских нелегальных изданий этого времени все еще неясна и требует дальнейших разысканий.

Недостаточно выяснен до сих пор и другой чрезвычайно интересный вопрос — каким образом и через кого тексты сказок писателя, последовательно отстаивавшего до середины 1880-х годов формы легальной деятельности, попали в руки революционеров, в подпольные типографии, литографии и гектографии. Здесь снова необходимо

обратиться к одному из суждений, высказанных по этому поводу И. И. Поповым. «С. Н. Кривенко, — писал И. И. Попов, — состоявший в редакции «Отечественных записок», вне всякого сомнения давал непропущенного Щедрина читать С. Е. Усовой, близкому ему человеку, в ссылке ставшей его женой, а та переписывала и давала нам и другим, кто имел гектограф, с тем, чтобы деньги за проданные экземпляры передавали в «Об-во помощи политическим ссылным и заключенным» («Синий крест»), деятельным членом которого она была»⁴³.

Это свидетельство заслуживает серьезного внимания и нуждается, видимо, лишь в одном уточнении. Следует подчеркнуть, что роль Кривенко была не посреднической, а активной, целенаправленной и тщательно продуманной. Материалы, собранные Департаментом полиции⁴⁴, а также его деятельность в подпольной прессе⁴⁵ убеждают в том, что он закономерно должен был прийти к убеждению о необходимости передать «непропущенного Щедрина» революционному подполью.

Впрочем, об этом сказал в своих воспоминаниях и сам С. Н. Кривенко, сопроводив, правда, это признание всеми недомолвками и оговорками, какие были неизбежны в легальной печати при изложении подобной темы. «Причинить Салтыкову какую-нибудь неприятность или беспокойство, — говорит Кривенко, — всегда было как-то стыдно, и я не знаю, сколько отдал бы, чтобы вернуть причиненные ему совершенно неволью неприятности. Теперь, впрочем, не время еще об этом говорить»⁴⁶. Как видно из контекста воспоминаний, Кривенко сожалел не о том, что он передал сказки революционерам, а о том, что он это сделал не так, как следовало бы, не принял необходимых мер предосторожности и т. п. После ареста Кривенко, видимо, очень беспокоила мысль о том, что обнаружение огромного количества подпольных изданий Щедрина может привести к серьезным для писателя неприятностям политического характера. О своем чувстве виновности перед Салтыковым Кривенко говорит и в другом месте воспоминаний, рассказывая о первой встрече с писателем после ссылки: «Увидев меня, он обрадовался и сказал: «Откуда вы, эфира житель?», — но сию же минуту насупился, отвернулся в сторону и сказал: «А я на вас сердит». — «Знаю я это», — отвечал я. — «Нет, не знаете, а вот за что сердит: я все эти пять лет посылал вам свои книжки, — как только выйдет какая, так и пошлю, — а вы мне хоть бы строчку написали...»⁴⁷

Как известно, во время следствия Кривенко во многом удалось опровергнуть относящиеся к нему обвинения и разоблачения предателя Дегаева. Он, например, категорически отрицал свою принадлежность к «Народной воле», сотрудничество в ее изданиях и какое-либо свое участие в сборе средств для «Общества помощи политическим ссылным и заключенным».

Обвинение в причастности к изданию запрещенной литературы Кривенко даже не предъявлялось. И все-таки, читая внимательно его осторожные показания и учитывая многие известные факты его политической и литературной биографии, сравнительно легко можно эту причастность установить.

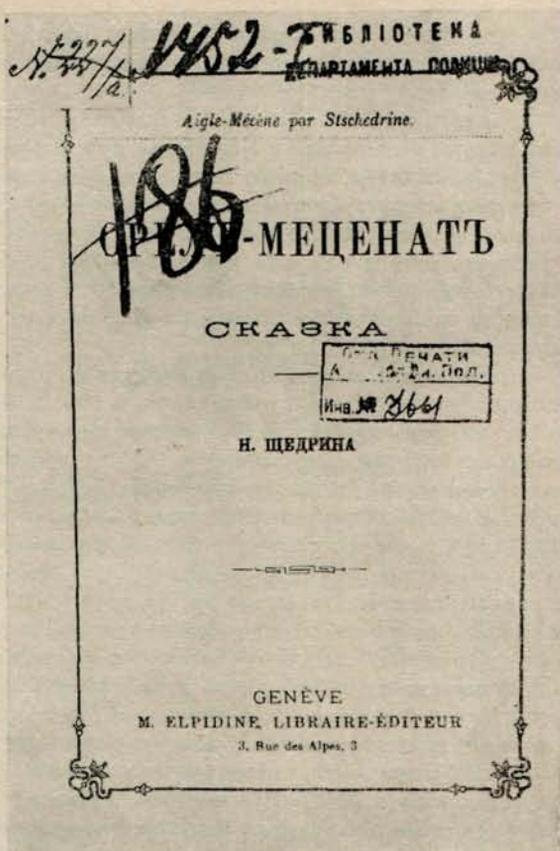
Он признал, например, что между ним и Дегаевым обсуждались вопросы, связанные с подпольными изданиями. В соответствующем документе об этом говорится: «Дегаев приносил Кривенко подпольные издания, но когда Кривенко спрашивал его, где помещается типография, отвечал уклончиво — в провинции»⁴⁸.

Уже этот факт — при всем том, что мы знаем о Кривенко, — дает возможность утверждать, что он не был чужд изданию подпольной революционно-пропагандистской литературы. Другие показания публициста позволяют предположить, что он по меньшей мере обменивался с Дегаевым подпольными изданиями. Кривенко сообщил, например, что Дегаев «приносил одни подпольные издания, а о других говорил, что не мог достать»⁴⁹.

Близость Кривенко и С. Е. Усовой к петербургским центрам издания подпольной литературы подтверждается и некоторыми показаниями представителей учащейся молодежи в разных городах России. Так, в Перми один из студентов-пропагандистов признал, что в ноябре месяце 1883 г. «имел (...) тайное свидание с Усовой, причем она передала ему целую пачку печатных и гектографированных революционных изданий»⁵⁰.

ЭКЗЕМПЛЯР ЗАГРАНИЧНОГО
ИЗДАНИЯ СКАЗКИ
САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
«ОРЕЛ-МЕЦЕНАТ»,
СОХРАНИВШИЙСЯ В
БИБЛИОТЕКЕ ДЕПАРТАМЕНТА
ПОЛИЦИИ

Обложка
Центральный архив
Октябрьской революции,
Москва

Заслуживает внимания и одно из «совершенно секретных» дел Департамента полиции с «таинственным» названием «По заявлению П...» Здесь собраны доносы мелкого московского журналиста, сотрудника нескольких периодических изданий — Александра Панова. В одном из них (доносы Панова, как правило, точно передают факты) утверждается, что в конце 1883 г. Кривенко приезжал в Москву, в редакцию «Русского курьера», с какими-то запрещенными произведениями Щедрина. Гольцев (московский профессор и журналист либерального направления. — Ю. П.) после его ухода, — сообщал Панов в Департамент полиции, — пригласил нас всех сотрудников газет к себе на вечер, говоря, что Кривенко прочтет непропущенную цензурой сатиру Щедрина». «Вечер у Гольцева не состоялся, потому что Кривенко в тот же день ночным поездом возвратился в Петербург»⁵¹. Если учесть, что к концу 1883 г. «Общество переводчиков и издателей» хорошо зарекомендовало себя в глазах передовой общественности, вполне можно предположить, что «непропущенная цензурой» сатира Щедрина осталась в Москве после отъезда Кривенко.

В связи с этим нужно вспомнить еще один чрезвычайно интересный факт. Как показали наблюдения исследователей, издания сказок Щедрина, напечатанные в литографии Киселева, воспроизводили текст невыправленных автором гранок. А значит, происхождение этих текстов из редакции «Отечественных записок» более чем вероятно. В редакции же многие, если не все, гранки вырезанных цензурой произведений могли проходить через руки Кривенко уже с осени 1881 г., когда началась практическая активная работа публициста в журнале. Как раз в это время (в сентябре) было запрещено «третье письмо» из цикла «Письма к тетеньке», а в ноябре-декабре оно уже распространилось по всей России. Тот же путь проделали все произведения «непропущенного Щедрина», которые появлялись в редакции в годы активного сотрудничества Кривенко в «Отечественных записках» (1881—1883). Это были знаменитые щедринские сказки:

«Премудрый пескаръ», «Самоотверженный заяц», «Бедный волк», «Добродетели и пороки», «Медведь на воеводстве», «Обманщик-газетчик и легковерный читатель» и «Вяленая вобла».

С другой стороны, нельзя не учитывать, что среди подпольных изданий щедринских сказок, хранящихся в Коллекции нелегальных изданий Департамента полиции, нет ни одной сказки, которая бы до ареста Кривенко (3 января 1884 г.) не побывала в редакции и типографии «Отечественных записок». Есть, впрочем, одно исключение — сказка «Орел-меценат», судьба которой сложилась особым образом.

Сказка предназначалась для мартовской книжки «Отечественных записок» за 1884 г. и набиралась в типографии уже после ареста Кривенко. Убедившись в невозможности опубликовать сказку в России, писатель сам направил ее в «Общее дело», где она и была напечатана ⁵².

Поэтому первые нелегальные издания и списки «Орла-мецената» в России появляются после зарубежной публикации, в 1886 г. Литографированный журнал «Голос молодежи», издававшийся в Петербурге, под рубрикой «Библиографические заметки» сообщал, что среди выпущенных в 1886 г. «разными революционными кружками и группами» изданий был и «Орел-меценат» Щедрина ⁵³. Тогда же жандармы обнаружили сказку в весьма отдаленных губерниях — Самарской и Вятской. В слободе Кинель-Черкасской (Самарская губерния) во дворе дома Тырсина были найдены зарытые в землю «следующие революционные издания»: гектографированная «Программа Исполнительного комитета», «Так что же нам делать?» Л. Н. Толстого, три рукописные сказки «Карась-идеалист», «Орел-меценат» и т. д. При этом было установлено, что все эти «тщательно скрываемые» книги читались и обсуждались на собраниях, которые устраивали приезжающие в слободу на каникулы учащиеся Самарской учительской семинарии Николай Тырсин, Егор Краснов и Александр Смирнов ⁵⁴. Подпольное издание сказки под названием «Шабаш, или Орел-меценат» было найдено при обыске у одного участника Уржумского революционного кружка (Вятская губерния), вместе с «Хитрой механикой» и «Сказкой о четырех братьях» ⁵⁵. 29 декабря 1889 г. при обыске, произведенном в Петербурге у Николая Разумовского, сына симбирского священника, в его бумагах среди всяких запрещенных сочинений оказалась и «рукопись — «Сказка об Орле» Щедрина» ⁵⁶. В конце 1880-х годов сказка «Орел-меценат» была отгектографирована и в Петербурге. «Помню, — рассказывал А. Н. Герасимов, учившийся в ту пору в Технологическом институте, — с каким увлечением мы, студенты того времени, читали и перечитывали на гектографе напечатанную сказку «Орел-меценат», в которой яркими художественными мазками набросана монументальная фигура невежественного, тупого и грубого отца Николая — последнего Александра III» ⁵⁷.

Еще одно издание «Орла-мецената» в Петербурге было осуществлено гектографическим способом членами революционного кружка студентов Лесного института Антоном Борейша и Федором Рогожниковым в первой половине 1893 г. ⁵⁸

В истории подпольных изданий произведений великого сатирика еще много белых пятен. Однако уже сейчас очевидно, что дальнейшее изучение этой важной темы может существенно пополнить и уточнить наши представления о значении и месте «внепропущенного Щедрина» в литературно-общественном движении 1880-х годов, в идеологической подготовке нового общественного подъема.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: «Русская литература», 1967, № 1, с. 160—162. В конце 70-х годов только М. Элпидину за границей удалось подготовить к изданию очерки «Они же» и «Чужую беду руками разведу» (см.: «Ташкентцы, обратившиеся внутрь». Женева, 1880; Н. Щ е д р и н. Чужую беду руками разведу. Женева, 1880).

² ЦГАОР, ф. 102 (Департамента полиции), оп. 265 (Перлюстрация), ед. хр. 2, л. 57 об.

³ Подпольные издания этой группы сказок весьма многочисленны. См. в Коллекции нелегальных изданий (ЦГАОР, ф. 1741, брошюры): М. С а л т ы к о в. Сказки для детей изрядного возраста. Б. м. и г. изд. Гектограф. На с. 24 штамп: «Книжная агентура Народной воли» (№ 4210, 3348); «Сказки для детей изрядного возраста

М. Е. Салтыкова». Б. м., 1883. Гектограф (№ 3349); «Сказки для детей изрядного возраста М. Салтыкова». 1883. Б. м. (№ 8261, 1505). Отметим, что коллекция нелегальных изданий Департамента полиции в данной работе является основным источником сведений при изучении нелегальных изданий щедриновских сказок.

⁴ См., например: С. П. Шестернин. Пережитое. Из истории рабочего и революционного движения. 1880—1900 гг. Иваново, 1940, с. 16.

⁵ П. А. Натольев. Общество переводчиков и издателей. (К истории марксизма в России). — «Каторга и ссылка», 1933, № 3 (100); К. В. Василенко. Общество переводчиков и издателей. — «Вестник Московского гос. университета», 1956. Серия общественных наук, № 4; см. также примеч. 6.

⁶ П. А. Натольев. Указ. ст., с. 82—141; П. А. Натольев. К истории закрытия журнала «Отечественные записки». — «Каторга и ссылка», 1929, № 8-9, с. 169—202; К. В. Василенко. Указ. ст., с. 129; В. В. Гиппиус. Салтыков и русская нелегальная печать в 1884 г. — *ЛН*, т. 13-14, с. 537—542; В. В. Колпенский. М. Е. Салтыков и Общественный союз. — В кн.: «Русское прошлое. Исторические сборники». Под ред. С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и Юлиа Гессена. Кн. 4. Пг.—М., 1923, с. 117—122.

⁷ См.: ЦГАОР, ф. 102 (Департамента полиции), Д-7, 1884, ед. хр. 553, ч. 1 «Об общественном союзе в Москве».

⁸ Посредническая роль в связях между литографией и революционными кружками, которую приписал себе Соколов в своих показаниях (см. там же, л. 32—34), объясняется тактическими соображениями и совершенно не соответствует действительности.

⁹ В литературе об «Общественном союзе» неизменно фигурирует «литография Янковской». Между тем Н. А. Янковская была лишь формально владелицей литографии и фактически не имела к ней никакого отношения. Всей работой литографии в течение 15 лет руководил ее арендатор Н. В. Киселев. Он сочувствовал революционерам и немало сделал для организации издания революционной литературы. «Передай Киселеву этот лист лекций» — эти слова П. Соколова при вручении оригинала рабочим литографии означали, что рукопись передается в надежные руки. С большим достоинством вел себя Киселев и во время следствия. Думается поэтому, что было бы правильнее говорить о «литографии Киселева».

¹⁰ ЦГАОР, ф. 102 (Департамента полиции), Д-7, 1884, ед. хр. 553, ч. 1, л. 21, 24 об., 25 об., 28 об., 29, 29 об., 31, 31 об., 32.

¹¹ Там же, л. 31 об.

¹² Там же, л. 33.

¹³ См.: ЦГАОР, ф. 1741 (Брошюры), № 1499, 1500, 1501. Эта обложка неоднократно воспроизводилась в различных изданиях. См.: *ЛН*, т. 13-14, с. 539; «История русской литературы», т. IX (часть 1). Литература 70—80-х годов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955, с. 249; «М. Е. Салтыков-Щедрин в портретах, иллюстрациях и документах». Л., 1968, с. 235. См. также наст. том, с. 453.

¹⁴ ЦГАОР, ф. 1405, оп. 85, ед. хр. 10858, л. 174 об.—175.

¹⁵ См.: ЦГАОР, ф. 1741 (Брошюры), № 1503.

¹⁶ Письмо Е. Паприц П. Л. Лаврову от 10 июня 1884 г. — ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 667.

¹⁷ См.: П. А. Натольев. К истории закрытия журнала «Отечественные записки», с. 194—195.

¹⁸ См.: ЦГАОР, ф. 1741 (Брошюры), № 1502.

¹⁹ Там же, № 7894.

²⁰ ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний, 1884, VIII обзор, с. 36.

²¹ ЦГАОР, ф. 1741 (Брошюры), № 343.

²² ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний, 1886, XI ведомость, л. 77—77 об.

²³ См.: П. А. Натольев. Общество переводчиков и издателей, с. 134; К. В. Василенко. Указ. ст., с. 140. Известно также, что через посредство Болеслава Малиновского, учившегося в Высшем техническом училище, «Общественный союз» обменивался нелегальными изданиями с польской революционной партией «Пролетариат». См.: ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний, 1884, VIII обзор, с. 36.

²⁴ ЦГАОР, ф. 1167 (Вещественные доказательства), оп. 2, ед. хр. 4630, л. 2 об.

²⁵ См.: С. Лившиц. Подпольные типографии 60-х, 70-х и 80-х годов. — «Каторга и ссылка», 1929, № 1(50), с. 78—79.

²⁶ ЦГАОР, ф. 102 (Департамент полиции), Д-7, 1884, д. 743, ч. 3, л. 16 об.

²⁷ Там же, л. 101.

²⁸ См.: С. Лившиц. Подпольные типографии 60-х, 70-х и 80-х годов. — «Каторга и ссылка», 1929, № 2(51), с. 63—64.

²⁹ См. ЦГАОР, ф. 102 (Департамент полиции), Д-7, 1885, д. 62, л. 27 об.

³⁰ «Хроника социалистического движения в России 1878—1887 гг.». Официальный отчет. Издание В. М. Саблина. М., 1907, с. 277.

³¹ См.: ЦГАОР, ф. 112 (ОППС), оп. 1, ед. хр. 619.

³² Там же, л. 87, 216, 216 об.

- ³³ Там же, л. 128.
- ³⁴ Там же, л. 331 об.
- ³⁵ «Каторга и ссылка», 1929, № 8—9 (57—58), с. 135.
- ³⁶ ЦГАОР, ф. 102 (Департамент полиции), оп. 168, ед. хр. 5 (еженедельные записки, 1883), т. 2, л. 117 об.—118.
- ³⁷ «Каторга и ссылка», 1929, № 8—9 (57—58), с. 139.
- ³⁸ ОЗ, 1884, № 3, с. 113—116.
- ³⁹ ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний, 1885, X ведомость, с. 33—34.
- ⁴⁰ Там же, с. 32.
- ⁴¹ ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний, 1886, XI ведомость, л. 83 — 83 об.
- ⁴² ЛН, т. 11-12, с. 485.
- ⁴³ Там же, с. 485.
- ⁴⁴ См.: ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний, 1883, обзор II, с. 17.
- ⁴⁵ См.: С. Н. В а л к. С. Н. Кривенко в нелегальной литературе.—Из истории рабочего класса и революционного движения». М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 253—261.
- ⁴⁶ «Исторический вестник», 1890, № 12, с. 622.
- ⁴⁷ Там же, с. 625.
- ⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 85, ед. хр. 10944, л. 57—57 об. См. также л. 50 об.—58.
- ⁴⁹ Там же, л. 50 об.—53.
- ⁵⁰ Там же, л. 5 об.—6.
- ⁵¹ ЦГАОР, ф. 102 (Департамент полиции), Д-3, 1884, ед. хр. 800, л. 32.
- ⁵² «Общее дело», 1886, № 81, январь.
- ⁵³ «Голос молодежи». Орган «Союза русской молодой интеллигенции», № 1. СПб. Литография «Голоса молодежи», 1886, с. 69 (см.: ЦГАОР, ф. 1741, № 4775).
- ⁵⁴ ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний, 1886, XI ведомость, л. 82 об.
- ⁵⁵ Там же, л. 73 об.—74.
- ⁵⁶ Там же, 1889, XIV ведомость, л. 91.
- ⁵⁷ А. Н. Г е р а с и м о в. Щедрин и студенчество. (Из прошлого).—«Молодая гвардия», 1926, № 3, с. 206.
- ⁵⁸ ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний 1894, XVIII обзор, л. 20, об.—21.